

*Моему любимому дяде Невиллу Эдриджу  
15 июня 1927 г. — 19 марта 2018 г.*

# Пролог

2016

Четыре поколения семьи собрались в небольшой квартирке в Афинах, чтобы отпраздновать день рождения. Миниатюрная женщина с серебристыми волосами с улыбкой смотрела, как радостно бегают вокруг взрослых правнуки, а их родители поют:

Pandoú na skorpízis,  
Tis gnósis to fos,  
Kai óloi na léne,  
Na mía sofós.

Излучай кругом свет  
Всего того, что знаешь,  
Чтобы сказали люди,  
Как мудр ты бываешь.

Темис<sup>1</sup> Ставридис слышала эту песню тысячу раз, но сейчас ловила каждое слово и размышляла: какой мудростью она может поделиться? Она передала родным рецепты «фирменных» блюд, объяснила, как развести костер или отличить съедобную ягоду от ядовитой. Научила их всему, что знала сама.

За старым круглым столом из красного дерева теснились восемнадцать членов семейства, дети сидели на коленях у родителей, чтобы все могли

---

<sup>1</sup> Темис — это имя в классической греческой мифологии звучит как Фемида, богиня закона и правосудия. Ее символ — весы правосудия.

уместиться. Ужин подошел к концу, торт уже смели, и теперь представители младшего поколения петерпеливо поглядывали в телефоны, то и дело проверяя сообщения или время. Двухкомнатная квартира не могла вместить столько энергичной ребятни и взрослых разом, и под руководством матерей дети встали в очередь, чтобы обнять на прощание девяностолетнюю старушку.

Муж Темис сидел в излюбленном потертом кресле, но мысленно он был далеко отсюда. Перед уходом дети выстроились друг за другом, чтобы поцеловать его в макушку или щеку, кто куда мог дотянуться. Он будто их не замечал. Его сознание напоминало темный дом, лишенный света. За последние пять лет окошки гасли одно за другим, а сияние жены лишь усиливало разницу между ними. Йоргос Ставридис, казалось, не догадывался, что с большинством этих людей его связывают кровные узы, что они появились на свет благодаря ему. Временами их визиты скорее беспокоили его или вводили в замешательство, ведь он забыл всё и вся.

Некоторое время родственники обменивались поцелуями, прощались, договаривались встретиться вновь, но вот в квартире воцарилась тишина. На столе стояли тарелки с остатками *пастиччио*<sup>1</sup>, *спанакопиты*<sup>2</sup> и *долмадакии*<sup>3</sup>. Еды с лихвой хватило бы на два таких праздника. Пустовало лишь одно блюдо с крошками и следами шоколадного крема. Торт аккуратно разрезали и разложили на одноразовые тарелки — последняя сейчас балансировала на подлокотнике кресла.

<sup>1</sup> *Пастиччио* — традиционное блюдо греческой и средиземноморской кухни, макароны, запеченные с рубленным мясом и соусом бешамель.

<sup>2</sup> *Спанакопита* — греческий пирог со шпинатом.

<sup>3</sup> *Долмадакия* — долма по-гречески.

В квартире осталось двое внуков: Попи, жившая по соседству, и Никос, приехавший на день рождения бабушки из Америки. Юноша устроился в углу комнаты с ноутбуком, девушка тем временем ставила на поднос грязные бокалы.

— Я помогу тебе, *йайа*, — сказала она, обращаясь к бабушке и собирая в стопку тарелки и сбрасывая оставшуюся еду в пластиковые контейнеры.

— Нет-нет, Попи. Нет нужды. Я ведь знаю, как заняты бывают молодые люди.

— Я не занята, *йайа*, — ответила внучка, еле слышно добавив: — Эх, если бы...

Попи работала переводчиком, но неполный день, и платили ей не слишком много. Поэтому иногда она подрабатывала в баре.

Пожилая женщина с трудом справлялась с послепраздничным разгромом, поэтому в душе радовалась помощи.

Младшая внучка, обладательница длинных ног, возвышалась над бабушкой сантиметров на тридцать, но унаследовала ее высокие скулы и тонкие пальцы. Вот только ее прическа огорчила старую *йайа*. Сегодня Темис впервые увидела Попи после того, как та побрила голову с одной стороны, а волосы на второй половине выкрасила в фиолетовый. Пирсинг в носу она сделала еще несколько лет назад.

— Только посмотри, сколько еды осталось! — неодобрительно воскликнула девушка. — Зачем разбрасываться в такой кризис?

— Что, кризис? — повторила старушка.

— Да, *йайа*. Кризис!

Бабушка подтрунивала над ней, но Попи не сразу поняла.

— Знаю, знаю. Все только и говорят о каком-то кризисе. Но в праздник следует пользоваться тем, что у нас есть, а не горевать о том, чего нет.

— Меня мучает совесть, ничего не могу поделать.

— Прощу, *agape mu*, любовь моя, дорогая, не грызи себя. Пусть это и кажется расточительством.

Они теснились на крошечной кухоньке: одна мыла и вытирала посуду, вторая убирала в шкафчик. Длинноногая Попи без помощи стула дотягивалась до высоких полок.

Бабушка с внучкой навели на кухне порядок и вышли на балкон, перешагивая через ноги Георгоса. К ним присоединился Никос.

Никосу и Попи было под тридцать, но на этом сходства заканчивались. Один в костюме, другая в легинсах и футболке, они создавали разительный контраст. За последнее десятилетие кузен и кузина встречались лишь пару раз на семейных праздниках, однако их немедленно притягивало друг к другу. Попи закидывала двоюродного брата вопросами об американской политике, а Никос хотел побольше разузнать об обществе в Греции. Они выросли в разных условиях и в детстве имели разные возможности, но оба получили хорошее образование, окончили университеты и разговаривали на равных.

Никос вырос в особняке, окруженном ровными газонами, и многое в греческой жизни казалось ему чуждым. Многие его поражало. Благодаря распахнутым окнам и неплотно закрытым жалюзи соседи знали друг о друге все: повсюду громкие голоса, детские крики, шум телевизора, включенное радио, бесконечное гудение агрессивной подростковой музыки. Тишина здесь была редким гостем, как и возможность уединиться.

«Американский кузен», как называла его Попи, совсем не привык, что подробности частной жизни разносились по квартирам, будто по трубопроводу. Все знали, сколько в соседской семье людей, какого



они возраста или размера, работа и политические убеждения тоже выставлялись напоказ.

Темис Ставридис заметила, что внучка разглядывает противоположный балкон. Бесконечный ряд черных футболок на бельевой веревке подтвердил ее собственные страхи.

— Как думаешь, они из «Золотой зари»?<sup>1</sup> — спросила Попи с нотками беспокойства.

— Боюсь, что да, — печально ответила Темис. — Отец и все трое сыновей.

— «Золотая заря»? — переспросил Никос.

— Они фашисты, — сказала Попи. — Жестокие фашисты, противники иммигрантов.

Темис видела по телевизору, как за день до этого ультраправая партия устроила демонстрацию, что очень ее взволновало.

Несколько секунд все трое молча смотрели на площадь перед собой. Там всегда бурлила жизнь. Мальчишки пинали мяч, матери сидели неподалеку на скамейках, курили и болтали. Трое подростков заехали на тротуар на мопедах, припарковались и быстро зашли в соседнее кафе. Один мужчина остановил другого, очевидно, чтобы прикурить, но Попи и Никос заметили, как прохожий сунул в карман маленький пакетик.

Темис не могла долго сидеть без дела. Следовало полить многочисленные растения, подмести и помыть кафельный пол на балконе.

Пока бабушка сутилась, Попи предложила сварить кофе.

— Может, сделать и для *pappusa*? — тихо спросила девушка. — Для дедушки?

---

<sup>1</sup> «Золотая заря» — греческая ультраправая националистическая партия, определяемая как неонацистская и неофашистская.

— Он больше не пьет кофе. Чашка просто стоит и остывает. Знаете, что он уже почти двадцать лет не ходил в *кафенион*? Последний раз был сразу после моего дня рождения, я потому и запомнила. Он вернулся из кофейни тогда в странном настроении, и я поняла, что он больше туда не пойдет. Наверное, тогда он выпил свою последнюю чашку кофе.

Никос посмотрел на деда с грустью. Даже он понимал, как плохо дело, если грек не идет в *кафенион*.

— Он живет в собственном мире, — добавила Темис.

— Похоже, что так. В настоящем мире не все гладко, да? — сказала Попи. Темис мрачно посмотрела на нее. — Прости, что я говорю такие печальные вещи, *йайа*. Иногда не могу сдержаться.

— Все образуется. — Темис взяла внучку за руку. — Я уверена.

— Почему ты так уверена?

— Потому что все со временем налаживается. Иногда становится хуже, но в целом жизнь движется к лучшему.

— Ты серьезно? И ты говоришь это сейчас, когда люди стоят в очередях перед бесплатной столовой и спят у чужих порогов?

— Да, сейчас не просто. Но всех волнует лишь сегодняшний день. Людям стоит оглянуться и понять, что бывало намного хуже.

Попи озадаченно посмотрела на бабушку.

— Знаю, я кажусь тебе слегка расточительной, дорогая, но клянусь, мы бы ничего не выбросили в те времена, когда я была в твоём возрасте. Я и сейчас не должна, но просто могу себе это позволить...

— Я и не думала критиковать тебя.

— Знаю, знаю.

— Ты столько лет прожила, *йайа*. Я представить даже не могу, где только уместаются все эти воспоминания!

— Да уж, там больше не осталось свободного места. — Старушка постучала пальцем по лбу. — Когда я смотрю на улицу вниз, то вижу не только то, что есть, но и то, что было.

— В смысле? — спросил Никос. — Тебя охватывает ностальгия?

— Не всегда. В прошлом случалось хорошее, но и плохое тоже. А глядя вниз, я о многом вспоминаю.

— Например?

— Вы видели фотографию на тумбочке? Ту, что справа?

Сквозь открытые стеклянные двери Попи видела гостиную. На тумбочке в ряд выстроились фотографии в рамках.

— Та, на которой ты вместе с сестрой?

— Вообще-то, это не моя сестра. Это Фотины. В школе мы были лучшими подругами. Совсем как сестры. Возможно, даже ближе. Она умерла на этом месте. — Бабушка указала за перила, в угол площади. — Прямо там.

Попи с недоверием посмотрела на бабушку, потом перевела взгляд в указанном направлении. Внучка прежде не слышала об этом, и ее поразило столь внезапное откровение.

— Это случилось во время оккупации. Был голод, *агапе му*. Умирили сотни, даже тысячи людей.

— Кошмар, — произнес Никос. — Я и не думал, что здесь было так ужасно.

В детстве отец лишь в общих чертах рассказал ему об истории Греции. Никос знал о падении Константинополя в 1453 году и о Греческой революции в 1821-м, но не смог бы назвать ни одного премьер-министра (хотя по памяти перечислил бы имена



всех американских президентов по порядку их правления, фокус для вечеринок еще с самых ранних лет). В подростковом возрасте интерес юноши усилился, и он даже пошел на курсы греческого языка, чтобы приобщиться к своим истокам.

— Да, Никос, ужас, настоящий ужас. Она была так молода...

Темис на мгновение замолчала, словно собираясь с духом.

— В те дни мы почти все время голодали. Когда еды вдоволь, как сейчас, я стараюсь наготовить побольше — просто потому, что могу. Наверное, это выглядит чудачеством.

— Мне так и показалось, *йайа*. — Попи пожала бабушкину руку и улыбнулась. — Можно я возьму кое-что домой?

— Хоть все забирай, — решительно отозвалась Темис.

В последнее время Попи часто уходила от бабушки и дедушки с контейнерами, полными оставшейся еды. Ей хватало до конца недели, да еще перепадало соседкам по квартире.

В гостиной тихонько похрапывал дед, время от времени что-то бормоча себе под нос.

— Как думаешь, *йайа*, что ему снится? — спросил Никос.

— Вряд ли сейчас у него много мыслей или воспоминаний. Даже не могу себе представить.

— Наверное, все это хранится в подсознании, — задумчиво сказал внук.

— Иногда я завидую простору его мыслей, — отозвалась Темис. — Должно быть, там царит покой.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Попи.

— Я помню слишком многое, и от этого порой голова раскалывается. Столь яркими бывают воспоминания.

Через несколько минут солнце село за горизонт, зажглись уличные фонари. Темис подалась вперед и коснулась ладони Попи.

— Почему бы нам не выпить кофе на улице? — прошептала она. — Потом ходим в церквушку. Я всегда делаю одну вещь на свой день рождения.

— Молишься? — удивилась Попи, зная, что бабушка никогда не отличалась набожностью.

— Нет, *агапе му*. Я зажигаю свечи.

— Разве тебе не хватило свечей на торте? — подшутила Попи.

Темис улыбнулась.

— Для кого? — с любопытством спросил Никос.

— Идемте со мной, и я вам все расскажу, — сказала она, глядя на Никоса.

Ее поражало, как сильно он напоминал мужчину, имя которого носил.

Проведя день в тесной квартире среди всего своего семейства, Темис с сожалением размышляла о том, что ей нечего передать потомкам. Никаких ценностей, кроме потертого стола, за которым обедали уже несколько поколений семьи.

Но что, если существовало другое наследие? Темис вдруг поняла, что теперь, когда Йоргос мыслями где-то далеко, она хочет поделиться пережитым с внуками. Историю своей жизни не назвать наследством, но ничего другого не осталось, и Темис решила подарить ее этим двум молодым людям. Она в равной степени любила всех восьмерых внуков, но к Попи испытывала особую привязанность — наверное, потому, что видела ее практически каждый день с самого рождения малышки. Для Никоса она тоже сохранила в сердце немало нежности, пусть он и навещал ее раз в год.

Все трое быстро собрались на выход, Никос помог бабушке надеть кардиган, а Попи накинула

## ЛЮБИМЫЕ

на нее выцветшее красное пальто из комиссионки. Утром Никосу предстояло сесть на самолет в Штаты, и Темис настояла на том, чтобы он перед отъездом купил свежей пахлавы и нормального греческого кофе. Хотя они все плотно пообедали, Никос не смог отказаться, и вскоре они зашли в *захаропластейон*<sup>1</sup> неподалеку от дома.

Как только они устроились, Темис начала свою историю.

---

<sup>1</sup> *Захаропластейон* — греческая кондитерская.

# Глава 1

1930

Ее щеки касается подол материнской юбки, дрожат доски пола, потому что кругом носятся братья и сестра, в отдалении позвякивает фарфор, перед глазами ноги матери в коричневых туфлях с пряжками, — это самые ранние воспоминания Темис.

Муж Элефтерии Коралис месяцами пропадал в море, а она оставалась в небольшом особняке с четырьмя детьми и почти все время отдавала хлопотам по хозяйству. Отдыхать было некогда. Малышка Темис провела ранние годы в состоянии счастливой заброшенности и выросла с мыслью, что она невидимка.

Элефтерия еще до свадьбы с Павлосом владела этим двухэтажным домом в неоклассическом стиле по улице Антигонис. Наследство довольно поздно досталось ей от матери. Фасад в самом деле впечатлял: величественный балкон, вычурные колонны и украшения в стиле барокко по контуру крыши. Тяжелые карнизы обрамляли потолки, в некоторых комнатах лежала плитка, в других — полированный паркет. Пожалуй, во всем блеске своего величия дом предстал в тот день, когда мастера только упаковали свои инструменты, пока еще не высохли гипсовые кариатиды, украшающие верхние окна. С того дня для особняка начался долгий путь постепенного упадка.



Отсутствие средств на ремонт означало, что каменные украшения с трещинами и прогнившие доски пола представляли постоянную угрозу для всех обитателей дома. Некогда процветающее семейство еле сводило концы с концами. За семьдесят лет до этого предки Темис по материнской линии принадлежали к растущему классу купцов, но в результате неудачных капиталовложений от всего их состояния остался лишь этот дом. Многие вещи, вроде картин и серебра, со временем распродали, за исключением нескольких предметов французской антикварной мебели и ювелирных украшений.

Темис иной обстановки не знала и считала, что в войну все семьи жили в разрушающихся домах. Сквозь треснувшие стекла внутрь залетала пыль, с потолка порой кусками отваливался гипс, а сильные ветра срывали с крыши черепицу и сбрасывали на асфальт. Зимой и весной Темис не могла нормально спать по ночам от монотонного «кап-кап-кап» — дождевые капли падали в многочисленные ведра. Это была своеобразная музыка, а растущее число сосудов для воды свидетельствовало о неуклонном движении дома к краху.

На их улице заколотили досками очередной дом, но даже он был более пригоден для жилья, чем заплесневелый особняк, в котором обитало семейство Коралис, в тесном соседстве с растущей популяцией бактерий. Первый этаж совсем обветшал, вверх поднимался запах гниения, просачиваясь сквозь стены.

Дети могли свободно бегать по дому, не ведая о бедах, которыми грозило им его аварийное состояние. Комнаты наполнились визгом и шумом игры. Темис была еще слишком мала, чтобы присоединиться к прочим. Она сидела у подножия огромной центральной лестницы и смотрела, как братья и сестра

носятся вниз-вверх или скатываются по гладким деревянным перилам. Три подпоры треснули, оставляя опасную дыру с обрывом.

Темис с восторгом наблюдала, как Танасис, Панос и Маргарита летят ей навстречу. Мать редко следила за ними и появлялась лишь тогда, когда кто-то из детей терял равновесие и приземлялся на твердые каменные плиты. Услышав вопль боли, она всегда приходила убедиться, что серьезной травмы нет, что будет лишь шишка на лбу. На пару секунд она брала бедолагу на руки, но, как только плач стихал, возвращалась к своим делам. У подножия лестницы еще лежал коврик с пятнами крови: это Танасис упал и расшибся. Элефтерия напрасно старалась отчистить коврик, но скоро эти следы станут не видны на выцветшем красно-коричневом фоне.

Темис не обращала внимания на запрет залезать под обеденный стол. Ей нравилось прятаться в своем секретном местечке — под толстой столешницей красного дерева и за складками тяжелой скатерти с вышивкой, прислушиваясь к приглушенным звукам того, что происходит наверху. Здесь безопасность соседствовала с угрозой — в этом доме следовало быть осторожным на каждом шагу. Под столом прогнила половая доска, и в дырке могла поместиться маленькая ножка. Когда нога отросла на несколько сантиметров, ее стало видно в комнате внизу.

— А потом ты провалишься, — говорила мать, — и умрешь.

Голос матери ассоциировался у Темис с приказами и предостережениями.

Павлос Кюралис навещал их временами, когда его торговый корабль пришвартовывался в доке Пирея. Этот мужчина, настоящий великан, подхватывал на руки сразу двух дочерей. Темис не понимала, почему так вредничала Маргарита, когда домой

приезжал отец, — она не подозревала, что, как только являлась младшая дочь, старшая тут же отодвигалась на второй план. Сестра ненавидела делиться, особенно отцовской любовью. Когда папа возвращался из очередного путешествия в дальние края, в его саквояже всегда находились загадочные и экзотические подарки для всей семьи. Из Китая он привозил крохотные тапочки с вышивкой, ножики для мальчишек и камни без огранки для жены (настоящие или нет, Темис не знала). Из Индии он привозил фигурки слонов, палочки благовоний и шелковые отрезки. Эти «артефакты», появлявшиеся время от времени, добавляли красок дому, занимая место более ценных, но мрачных фамильных реликвий, которые продавали ради новой пары обуви.

Когда Павлос отсутствовал, в доме царила анархия. Элефтерия Коралис старалась успевать с домашними делами, а присутствие мужа увеличивало хлопоты, и не только в спальне, но и с готовкой и стиркой. Темис запомнилось, что при отце мать становилась беспокойной, а полы еще более грязными.

В такие дни девочка как можно больше времени проводила в своем потайном месте. Когда приезжал отец, к ним в дом наведывались разные люди. За обедом они то и дело грохотали по деревянному столу кулаками. С ранних лет Темис запомнила определенные слова, произносимые на повышенных тонах, иногда с яростными выкриками: «Венизелос! Георг! Король! Турки! Евреи!»

К трем годам она выучила слово «катастрофа». Кругом звучали вопросы: почему это произошло?

---

<sup>1</sup> *Элефтериос Венизелос* (1864–1936) — греческий политический и государственный деятель, неоднократно занимавший должность премьер-министра с 1910 по 1933 год.



Кто был виноват? Вплоть до конца десятилетия и спустя еще долгие годы за каждым столом в стране шли споры, кто нес ответственность за события, которые привели к разрушению Смирны, самого красивого города в Малой Азии в 1922 году. Как можно забыть смерти стольких греков, да и прибытие миллиона беженцев навсегда изменило само общество страны.

Темис выросла с ощущением того, что даже люди одного круга, как Павлос Коралис и его друзья, зачастую не сходились во взглядах. Однако всякая размолвка неизменно заканчивалась звоном бокалов. Друзья опрокидывали рюмку за рюмкой, стуча посудой по столешнице и оставляя на ней отметины. Прозрачная жидкость разжигала их пыл, а потом они заводили громкую песню. В конце концов мать выдворяла Темис из-под стола, даже если та засыпала возле отцовских башмаков.

Из своего укромного места девочка слышала приглушенные беседы между родителями, а иногда, когда отец уезжал, между матерью и бабушкой, которая была в доме постоянным, пусть и не всегда желанным гостем. В основном говорили о полуразрушенном особняке и о том, сколько семья сможет там прожить. В один бабушкин визит Темис услышала нечто ее поразившее.

— Они не могут больше жить среди этих обломков!

Бабушка говорила с презрением, но девочка представляла себе разрушенный бурей корабль. В ненастные дни, когда в треснутых окнах завывал ветер, дом скрипел и раскачивался, будто на волнах.

Ответ матери сильно удивил Темис.

— У вас ни стыда ни совести, — прошипела она. — Это наш дом. Прошу вас, уходите. Уходите немедленно.



Мать говорила шепотом, но в то же время гневно.

— Я так за них переживаю, — сказала бабушка. — Мне просто кажется, что они не должны жить в таких...

— Не смейте говорить так в присутствии детей! — оборвала ее невестка.

Обычно пожилая женщина более незаметно проводила «операции по спасению». Темис слышала намного больше, чем стоило в ее возрасте, и вскоре научилась понимать хитрые уловки взрослых.

— Я беспокоюсь за твою жену, — сказала бабушка Павлосу, когда тот вернулся из плавания. — Она столько хлопочет. Почему бы вам не переехать в более приличное место, но поскромнее?

Чтобы содержать такой дом в чистоте, стоило нанять хотя бы пару горничных, но семья не могла позволить себе даже одну.

Замечания свекрови редко адресовались Элефтерии напрямую, и она в свою очередь отвечала через мужа.

— Это наш дом, — говорила жена Павлосу. — Что бы ни думала твоя мать, я справлюсь.

Павлос понимал: мать просто завидует наследству его жены, — и не удивлялся их взаимной неприязни. Когда он советовался с друзьями, те не видели в ситуации ничего необычного: свекровь ненавидит невестку, а жена не любит свою *пэтэра́*. По мнению Элефтерии, собственническое отношение свекрови к единственному сыну и внукам подрывало авторитет жены и матери, а Эвангелия Коралис считала, что действует из лучших побуждений, беря на себя ответственность матери и бабушки.

Темис, напротив, с нетерпением ждала бабушкиных визитов, ведь та приносила свежую и сладкую выпечку — обычно пирог с кремом или торт. Мать ничего подобного не готовила, а детские радостные

возгласы лишь укрепляли неуверенность Элефтерии, заставляя еще сильнее ненавидеть жизнерадостную, щедрую *пэтэра́*. Кирии<sup>1</sup> Коралис было под шестьдесят, но она могла похвастаться отсутствием седины в волосах.

Как и бабушка, Павлос Коралис приезжал неожиданно. В такие дни царило всеобщее оживление, а когда он без предупреждения отбывал, дети чувствовали себя покинутыми. Темис просыпалась рядом с сестрой, зная, что он уехал. По дому не гремел его голос, и комнаты с высокими потолками и крошащимися стенами казались пустынными. Жизнь возвращалась в привычное русло: постоянно ссорились между собой дети, Танасис и Панос шутливо дрались, набивая друг другу шишки и круша все кругом, Маргарита исподволь обижала Темис, порой заезжала бабушка, наблюдая, как невестка гладит белье, готовит, убирает и развешивает вещи. Надо же, как огрубели ее руки, сетовала свекровь, ведь она только и делает, что оттирает пятна с одежды или ковра.

У Элефтерии всегда находилась работа, и Темис зачастую оказывалась предоставленной сама себе. Девочка не помнила случая, чтобы мать не была занята утюжкой вещей, и так изо дня в день.

Как-то утром Элефтерия отправилась на рынок за ежедневными покупками, а Темис осталась под столом (в своем месте уединения — она уже немного подросла и знала, что такое одиночество). Вдруг четырехлетняя девочка услышала грохот, будто хлопнула тяжелая входная дверь. Должно быть, мать вернулась домой раньше обычного.

Однако было не так: среди паутины трещин на осыпающейся штукатурке появились серьезные горизонтальные и вертикальные разломы. В тот день

---

<sup>1</sup> *Кирия* — госпожа.

случились незначительные сейсмические колебания, но их хватило, чтобы довершить работу последних десятилетий: расколоть стены и пошатнуть фундамент.

Выбравшись из-под стола, где царил темнота, Темис увидела непривычно яркий свет. Обычно ставни создавали в комнате сумрак, но теперь они исчезли. Вместе с окнами и стенами. Свету больше ничто не препятствовало. Девочка подошла к самому краю комнаты и выглянула наружу. Перед ней раскинулась вся улица, тянувшаяся в обе стороны, деревья, трамвай вдалеке, прохожие. Она посмотрела вниз, на пропасть под ногами.

На тротуаре собирались первые зеваки, глядя наверх и указывая на маленькую девочку в бледно-розовом платице, похожую на фотографию в рамке. Темис радостно помахала им рукой и шагнула к краю пропасти — она пыталась услышать, что ей кричат.

Но вот на улице показалась мама: она шла быстрым шагом с тяжелыми сумками в обеих руках, как вдруг увидела толпу перед своим домом. Затем обратила внимание на странный вид дома — тот распахнулся, как кухонный шкафчик, а с краю сидела ее крохотная дочка, болтая ногами над пропастью.

Казалось, пол ни на чем не держится, а парит в воздухе.

Элефтерия бросила сумки и кинулась вперед. Люди расступались, давая ей дорогу.

— Темис! *Агапе му!* Дорогая!

Темис не привыкла слышать от матери таких слов.

— *Мана! Койта!* — позвала она. — Мама! Смотри!

Толпа зевак росла. Люди с удивительной легкостью выкатывались из домов.



Прыжок со второго этажа был бы опасен даже для взрослого человека, а для ребенка падение в кучу искореженного металла, битого камня и неровных кусков лепнины стало бы смертельным.

— Остановись... — нарочито спокойным голосом сказала Элефтерия и вытянула перед собой руку. — Просто не двигайся... и мы спустим тебя вниз.

Она осторожно проделала путь по насыпи из кирпичей, затем повернулась лицом к окружившим ее людям, взглядом моля их о помощи. Из толпы вышел мужчина с одеялом, еще трое других вызвались его держать, чтобы Темис могла спрыгнуть. Пробравшись сквозь обломки фасада, они заняли нужную позицию. Снова затрепало, и боковая стена завалилась внутрь. Завизжав и зажмурившись, как делали братья и сестра, отважно летя по перилам лестницы, Темис прыгнула. Она мягко приземлилась посередине туго растянутого шерстяного одеяла и, не успев понять, что произошло, оказалась завернутой и переданной толпе. Тем временем мужчины бежали прочь от рушащегося особняка.

На безопасном расстоянии от дома Темис быстро выпуталась из одеяла и бросилась к матери. Элефтерия обняла дочь. Среди наступившей тишины дом крошился. Прежде стены поддерживали друг друга, но теперь конструкция дала слабину, и все строение рухнуло — не по частям, а разом, стремительно и даже грациозно. Над зеваками поднялось облако пыли, и те отступили, прикрывая глаза.

Танасис, Панос и Маргарита как раз свернули на улицу Антигонис и удивились столпотворению, но за чужими головами ничего не видели и не понимали, что вызвало такой ажиотаж.

Панос потянул за рукав стоявшего перед ним мужчину, но привлечь внимание оказалось нелегко.